

УДК 347

doi:10.35853/vestnik.gu.2026.14-3.09

5.1.3.

Изъятие денежных средств под видом односторонней реституции: процессуальные и материальные аспекты

Айдар Рустэмович Султанов

Представительство «Пепеляев групп» в Республике Татарстан,
Нижнекамск, Россия, a.sultanov@pgplaw.ru

Аннотация. В данной статье поднята актуальная проблема применения пункта 4 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации для изъятия денежных средств в доход государства под видом односторонней реституции. Применение «односторонней реституции» стало весьма часто встречаться в делах по искам прокурора. Проблема рассмотрена через призму конкретного дела, из которого видно, что «односторонняя реституция» фактически была применена в качестве санкции за доверие подрядчика к муниципальным органам. В статье также рассмотрены и процессуальные проблемы, что повторяются из дела в дело.

Ключевые слова: односторонняя реституция, санкция, принцип поддержания доверия

Для цитирования: Султанов А. Р. Изъятие денежных средств под видом односторонней реституции: процессуальные и материальные аспекты // Вестник Гуманитарного университета. 2026. Т. 14, № 3. С. 97–114. DOI 10.35853/vestnik.gu.2026.14-3.09.

A Withdrawal of Funds under the Guise of Unilateral Restitution: Procedural and Substantive Aspects

Aydar R. Sultanov

The Pepelyaev Group Representative Office in the Republic of Tatarstan,
Nizhnekamsk, Russia, a.sultanov@pgplaw.ru

Abstract. This paper addresses the contemporary issue of interpreting and applying paragraph four of article 167 of the Civil Code of the Russian Federation in relation to the withdrawal of assets on behalf of the state through the mechanism of unilaterally imposed restitution. The practice of “unilateral restitution” has become fairly common in cases brought by the prosecutor. This issue is explored through the lens of a particular case, which demonstrates the successful implementation of “unilateral restitution” as a sanction for the contractor’s reliance on municipal authorities. The article further examines the procedural aspects, which persistently arise in each and every case.

Keywords: unilateral restitution, sanction, principle of maintaining trust

For citation: Sultanov AR. A Withdrawal of Funds under the Guise of Unilateral Restitution: Procedural and Substantive Aspects. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Liberal Arts University*. 2026;14(3):97-114. (In Russ.). DOI:10.35853/vestnik.gu.2026.14-3.09.

На наш взгляд, большая часть правовых проблем лучше всего воспринимается через призму конкретных дел. Как писал Л. Н. Толстой, «все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему», так и судебная

практика дел, в которых справедливость торжествует, очень схожа, что подтверждает тезис о необходимости существования единообразной практики (см.: [Султанов 2021]).

Однако порой формируется судебная практика, которая далека от справедливости. При этом правовые позиции такой практики тиражируются из дела в дело.

К сожалению, дело, выбранное нами для демонстрации проблемы, похоже на многие другие, в которых также практика сильно отклонилась от справедливости.

Мы полагаем необходимым раскрыть фактические обстоятельства дела, поскольку абстрактное рассмотрение правовых проблем не всегда дает возможность увидеть несправедливость подходов, сформированных в судебных актах, тем более что порой судебные акты бывают весьма «лаконичны» (см.: [Султанов 2017]) и не раскрывают всех существенных обстоятельств, просто опуская те или иные детали, которые не вписываются в выбранное судом решение дела. Конечно же, такой подход очень схож с «прокрустовым ложем», судебная система порой не замечает того, что справедливость не всегда уместится в прокрустово ложе закона (см.: [Султанов 2010]) или сложившейся судебной практики.

Дело, на основании которого мы хотели бы поднять проблему, как и большинство таких дел, родилось в результате доверия, проявленного коммерческими организациями к муниципальным учреждениям и государственным органам. Мы понимаем, что действительно существуют сговоры заказчиков и подрядчиков, но существует и практика, где подрядчики наказаны за доверие к государственным органам. Полагаем необходимым подчеркнуть, что в данных делах при решении вопроса о применении реституции к контрактным отношениям сторон должен также учитываться принцип эстоппель (п. 5 ст. 166 ГК РФ) при оценке правового положения заказчика и поставщика и их юридически значимых действий при заключении контрактов (см.: [Тасалов 2026]).

В данном деле¹ этот принцип также был проигнорирован судами. Ситуация возникла вследствие того, что в целях выполнения мероприятий 19 мая 2023 года между Муниципальным казенным учреждением «Отдел капитального строительства» (Заказчик) и Обществом с ограниченной ответственностью «НБС-Сибирь» (Подрядчик) был заключен муниципальный контракт на выполнение работ по ремонту асфальтобетонного покрытия автомобильных дорог в г. Черногорске стоимостью 20 989 037,50 руб.

Контракт был заключен без проведения конкурентных процедур со ссылкой на Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ), абзац 3 Перечня дополнительных случаев осуществления закупок товаров, работ, услуг для нужд Республики Хакасия и (или) муниципальных образований Республики Хакасия у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) в 2022–2023 годах, утвержденного постановлением Правительства Республики Хакасия от 14 марта 2022 г. № 101, и протокол заседания Комиссии по повышению устойчивости развития экономики в Республике Хакасия в условиях санкций от 18 мая 2023 г. № 44-пр.

Работы были выполнены без замечаний, что подтверждено актом приемки законченного объекта от 22 августа 2023 г. № 1, и оплачены платежным поручением от 4 сентября 2023 г. № 548423.

Но спустя два года Прокурор Республики Хакасия (далее – Прокурор), ознакомившись с протоколом заседания Комиссии по повышению устойчивости развития экономики в Республике Хакасия в условиях санкций от 18 мая 2023 г. № 44-пр и пояснительной запиской, счел, что «у заказчика была возможность и время для проведения конкурентной закупки в период с 1 января 2023 г. (начало финансового года) по

¹ Дело № А74-5534/2024 (по иску Прокурора Республики Хакасия к Муниципальному казенному учреждению «Отдел капитального строительства» г. Черногорска и Обществу с ограниченной ответственностью «НБС-Сибирь» о признании муниципального контракта недействительным и применении последствий недействительности ничтожной сделки).

31 декабря 2023 г. (срок окончания реализации соглашения), вместе с тем информация о проведении такой закупки отсутствует, что свидетельствует о бездействии заказчика в части принятия мер к проведению конкурентного определения поставщика (подрядчика, исполнителя)...», что «признаками “срочности” предмет контракта не обладает», и, сделав вывод, что «заключение контракта с единственным подрядчиком не отвечает целям Закона № 44-ФЗ и постановления Правительства № 101, в силу отсутствия причинно-следственной связи между последствиями применения санкций в отношении Российской Федерации, целесообразности, срочности и обоснованности применения такого способа определения поставщика», обратился в Арбитражный суд Республики Хакасия с исковым заявлением, уточненным в порядке статьи 49 АПК РФ, к муниципальному казенному учреждению «Отдел капитального строительства» г. Черногорск (далее – МКУ «ОКС», Учреждение, Ответчик-1), ООО «НБС-Сибирь» о признании недействительным муниципального контракта № 18МК/23 от 19 мая 2023 г. на выполнение работ по ремонту асфальтобетонного покрытия автомобильных дорог в г. Черногорске по ул. Мира (в границах от ул. Инициативная до ул. Чернышева) (далее – Контракт) и применении последствий недействительности ничтожной сделки в виде взыскания с ООО «НБС-Сибирь» в доход муниципального образования г. Черногорск Республики Хакасия денежных средств в размере 20 779 147 рублей 13 копеек.

В качестве обоснования права на иск Прокурор указал, что *«правовой целью оспаривания договоров, заключенных в нарушение установленных Законом о контрактной системе запретов, является защита публичных интересов, превентивная функция права, укрепление законности и предупреждение правонарушений в предпринимательской и иной экономической деятельности, а также формирование уважительного отношения к закону (ст. 2 АПК РФ)»*.

В качестве публично-правового образования, в интересах которого предъявлен иск, Прокурором было указано Управление Федеральной антимонопольной службы по Республике Хакасия (УФАС по Хакасии).

Ранее мы писали (см.: [Султанов. Прокурорские иски ... 2025]), что в делах о признании картеля недействительной сделкой необходимо привлекать в качестве материального истца антимонопольный орган, но данное дело показывает, что это не всегда правильно.

В качестве обоснования привлечения именно антимонопольного органа Прокурор приводил не то, что данное ведомство является стороной спорного материального правоотношения, а то, что *«функции по контролю в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд возложены на Федеральную антимонопольную службу, которая является уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, осуществляет свою деятельность непосредственно и через свои территориальные органы»*.

В результате суд привлек к участию в деле в качестве соистца Управление Федеральной антимонопольной службы по Республике Хакасия.

Также к участию в деле в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, были привлечены Министерство транспорта и дорожного хозяйства Республики Хакасия (далее – Минтранс Хакасии); администрация г. Черногорска; Правительство Республики Хакасия, которые не поддержали требования Прокурора.

Решением Арбитражного суда Республики Хакасия от 27 марта 2025 г. исковые требования были удовлетворены частично, Контракт признан недействительным в силу ничтожности, в удовлетворении иска в остальной части отказано.

Постановлением Третьего арбитражного апелляционного суда от 3 июня 2025 г. решение суда первой инстанции было отменено в части отказа в удовлетворении исковых требований; применены последствия недействительности ничтожной сделки в виде взыскания с ООО «НБС-Сибирь» в доход муниципального образования г. Черногорск Республики Хакасия денежных средств в размере 20 779 147 рублей 13 копеек.

Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа Постановлением от 19 августа 2025 г. оставил обжалуемые судебные акты в силе, отклонив доводы заявителя жалобы о том, что *«выполнение работ и принятие их заказчиком не свидетельствует о недобросовестности подрядчика; общество не может нести ответственность за допущенные заказчиком нарушения, послужившие основанием для признания контракта ничтожным»*, согласившись с тем, что *«подрядчик, являясь профессиональным участником правоотношений, знал и должен был знать, что выполняет работы вопреки предписаниям Закона о контрактной системе»*.

Хотя в данном деле, безусловно, имеются грубейшие нарушения материального права, свидетельствующие об опасности формирования неправильной неконституционной судебной практики, первыми в рассматриваемом случае были процессуальные нарушения.

Необходимость привлечения материального истца

Самое первое грубое процессуальное нарушение заключалось в том, что в рамках подготовки дела к рассмотрению суд не определил суть спорных материальных правоотношений, а также лицо, в защиту которого подан иск, и, соответственно, не привлек к рассмотрению дела материального истца.

Прокурор, подавший заявление, пользуется всеми процессуальными правами и несет все процессуальные обязанности истца, за исключением права на заключение мирового соглашения и обязанности по уплате судебных расходов. В случае отказа прокурора от заявления, поданного в защиту законных интересов другого лица, рассмотрение дела по существу продолжается, если это лицо или его законный представитель не заявит об отказе от иска. При отказе истца от иска суд прекращает производство по делу, если это не противоречит закону или не нарушает права и законные интересы других лиц.

Процессуальный закон не определяет прокурора как сторону гражданского процесса (истца либо ответчика). Он является лицом, выступающим от своего имени в защиту прав и охраняемых законом интересов других лиц, а его интерес – это предусмотренная законом возможность требовать от своего имени защиты права другого лица.

Таким образом, прокурор в гражданском процессе не является субъектом материальных правоотношений, наделяется лишь процессуальной правоспособностью и занимает положение «процессуального истца». **Истцом же в материальном смысле является то лицо, в защиту прав, свобод или законных интересов которого прокурором предъявлен иск.**

В исковом заявлении, предъявляемом прокурором в защиту интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, должно быть указано, в чем конкретно заключаются их интересы, какое право нарушено, а также должна содержаться ссылка на закон или иной нормативный правовой акт, предусматривающий способы защиты этих интересов.

В пункте 9 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 марта 2012 г. № 15 (ред. от 25 января 2013 г.) «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе» разъяснено, что «применительно к статье 125 АПК РФ прокурор в исковом или ином заявлении обязан обосновать наличие у него полномочий по обращению в арбитражный суд, а по делам, названным в абзацах втором и третьем части 1 статьи 52 АПК РФ, – указать публично-правовое образование, в интересах которого предъявляется иск, и уполномоченный орган, действующий от имени публично-правового образования. В случае несоблюдения этих требований арбитражный суд оставляет заявление без движения в соответствии со статьей 128 АПК РФ».

При этом Прокурор, выступая в качестве процессуального истца, и в первоначальном, и в уточненном исковых заявлениях не указал материального истца – уполномоченный государственный орган, являющийся стороной спорного материального правоотношения, а указал в качестве лица, чьи интересы он защищает, – УФАС по Хакасии.

В то же время, антимонопольный орган, осуществляющий контрольные функции, который в том числе осуществляет администрирование поступлений в федеральный бюджет от нарушения антимонопольного законодательства, может быть материальным истцом лишь при взыскании дохода, полученного от нарушения антимонопольного законодательства, в федеральный бюджет².

Антимонопольный орган, осуществляя функцию по оспариванию торгов и государственных контрактов, не является стороной оспариваемого правоотношения. Федеральная антимонопольная служба РФ наделена компетенцией как оспаривать сделки, заключенные с нарушением антимонопольного законодательства, так и выдавать предписания о перечислении в бюджет дохода, полученного от нарушения антимонопольного законодательства (ст. 23 ФЗ «О защите конкуренции»), а также обращаться с исками на основании части 3 статьи 51 ФЗ «О защите конкуренции».

Важно также отметить, что это дело отличается от многих других исков тем, что основанием иска не было решение антимонопольного органа об установлении нарушения антимонопольного законодательства. Данный орган в административном порядке не устанавливал факта нарушения процедуры заключения торгов и не реализовывал вышеуказанных компетенций.

При этом антимонопольный орган является лишь процессуальным истцом в исках о признании сделок недействительными и в силу статьи 53 Арбитражного процессуального кодекса РФ в своем иске должен указать, в чем заключается нарушение публичных интересов или прав и (или) законных интересов других лиц, послужившее основанием для обращения в арбитражный суд.

В частности, в данном деле антимонопольный орган также писал о нарушении интересов муниципального образования г. Черногорск Республики Хакасия.

Отметим, что антимонопольный орган, не являясь стороной материальных правоотношений, был не вправе заключать мировые соглашения и распоряжаться материальными правами истца и поэтому не мог быть материальным истцом по требованию о взыскании в доход муниципального образования г. Черногорск Республики Хакасия денежных средств.

Прокурор не мог подать иск в защиту другого процессуального истца, поскольку это было бы просто задвоением, дублированием процессуальной функции или подменной функции антимонопольного органа.

Вмешательство прокурора может быть допустимо только в том случае, «когда цель процедуры не может быть достигнута иным образом (принцип subsidiarity)». Это следует из части 2 статьи 26 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре РФ», которой предусмотрено, что «органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы и должностных лиц, которые осуществляют контроль за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, не вмешиваются в оперативно-хозяйственную деятельность организаций».

Примечательно, что в рамках рассмотрения искового заявления прокурора по делу № А11-7191/2023 Федеральная антимонопольная служба России в отзыве на исковое заявление указала, что «компетенция ФАС России определена Положением о Федеральной антимонопольной службе, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 30.06.2004 № 331, исходя из которого **предъявление органами прокуратуры имущественных требований о взыскании денежных средств в доход Российской Федерации не может быть заявлено в интересах ФАС России**»³.

Таким образом, в данном деле суд привлек двух процессуальных истцов, но не привлек материального истца, хотя это обязанность суда – правильно определить субъектный состав участников дела.

Верховный Суд РФ в целом ряде своих определений отмечает: *«Если прокурор являлся процессуальным истцом, суду к участию в деле надлежало привлечь соответ-*

² Хотя такой подход не разделяется ФАС России.

³ Решение Арбитражного суда Владимирской области от 24.07.2024 по делу № А11-7191/2023.

ствующий орган государственной власти, уполномоченный в силу своей компетенции представлять интересы Российской Федерации, узнав его правовую позицию по возникшему спору. В нарушение требований ст. 148 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации статус лица, подписавшего исковое заявление, и состав лиц, участвующих в деле, судом установлен не был»⁴.

Таким образом, непривлечение материального истца признается Верховным Судом РФ грубым процессуальным нарушением, являющимся основанием для отмены судебных актов и направления на новое рассмотрение.

Между тем, привлечение материального истца в качестве третьего лица лишает данное лицо права на заключение мирового соглашения, а также ответчика – заявить встречный иск к надлежащему материальному истцу и ссылаться на пункт 5 статьи 166 ГК РФ.

Несмотря на то что иск подан о взыскании в доход муниципального образования г. Черногорск Республики Хакасия, данное лицо не привлечено в качестве материального истца, которое бы полагало требования не подлежащими удовлетворению и просило бы в удовлетворении заявленных требований отказать. Вышестоящий государственный орган Минтранс Хакасии 27 января 2025 года направил в суд пояснения, в которых указал, что оснований для применения последствий недействительности сделки в настоящем деле не имеется. Подрядчиком добросовестно выполнены работы по контракту в полном объеме, они приняты и оплачены, а результат работ используется.

Отметим, что суд не просил уточнить требования. В результате суд второй инстанции, удовлетворяя требование об односторонней реституции, не заметил, что просительная часть – взыскание в доход города – не является реституционным требованием.

Неправильное определение субъектного состава лиц, участвующих в деле, привело к тому, что отрицательное отношение города и Заказчика к заявленному требованию, хотя и было воспроизведено судом, но не было им учтено – в деле отсутствуют аргументы, почему суд не согласился с их мнением о том, что сделка не нарушает их интересов и что, наоборот, ее аннулирование причинит больше вреда интересам города.

Это привело к признанию Контракта ничтожным и лишило Заказчика права требовать исполнения постконтрактных гарантийных обязательств.

Таким образом, непривлечение к рассмотрению дела надлежащего материального истца является грубым процессуальным нарушением, которое само по себе является основанием для отмены судебных актов и направления на новое рассмотрение (см.: [Султанов. Приключения вокруг статьи ... 2025, с. 101]), но, к сожалению, в данном деле это процессуальное нарушение не было обнаружено судами.

Кто виноват?

В своем иске Прокурор не привел ни одного доказательства недобросовестности Общества. Иск основан только на нарушении со стороны Заказчика. В своем отзыве № КЛ/6622/2024 от 1 августа 2024 г. антимонопольный орган также пишет лишь о нарушениях со стороны Заказчика.

Суд второй инстанции фактически освободил государственный орган от доказывания недобросовестности Общества и создал неустановленную законом презумпцию, что «*подрядчик, являясь профессиональным участником правоотношений, знал и должен был знать, что выполняет работы вопреки предписаниям Закона о контрактной системе*».

⁴ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.07.2022 № 78-КГ22-12-К3; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.09.2024 № 18-КГ24-126-К4; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15.10.2024 № 127-КГ24-7-К4.

При этом законодатель создал требование к профессионализму при осуществлении закупок только для заказчика и его сотрудников:

– «Контрактная система в сфере закупок основывается на принципах открытости, прозрачности информации о контрактной системе в сфере закупок, обеспечения конкуренции, **профессионализма заказчиков...**» (ст. 6 Закона № 44-ФЗ);

– Контрактная система в сфере закупок предусматривает осуществление деятельности заказчика, специализированной организации и контрольного органа в сфере закупок **на профессиональной основе с привлечением квалифицированных специалистов, обладающих теоретическими знаниями и навыками в сфере закупок** (ч. 1 ст. 9 Закона № 44-ФЗ);

– Работники контрактной службы, контрактный управляющий должны иметь высшее образование или дополнительное профессиональное образование в сфере закупок (ч. 6 ст. 38 Закона № 44-ФЗ).

Такие требования закона порождают у лиц, участвующих в правоотношениях с заказчиками, правомерные ожидания их законных и правомерных действий, а не презумпцию незаконности действий заказчика.

Таким образом, суды неправильно распределили бремя доказывания, проигнорировав презумпцию законности актов государственной власти, вменили Обществу обязанность исходить из предположения незаконности действий государственных органов.

Нельзя вменять предпринимателю обязанность знать о неправильном толковании и применении закона государственными органами.

Предприниматель вполне может действовать, полагая «правильным» толкование закона из адресованных ему правоприменительных (и иных) актов государственных органов. С учетом презумпции законности актов государственных органов частное лицо формирует свои представления о «правильном» толковании на основании того, как закон был применен в этих актах. В результате у него возникают правомерные ожидания о «правильном» толковании закона и линии правомерного поведения, которые должны быть защищены государством.

Ниже мы более подробно раскроем применение принципа правомерных ожиданий и защиты доверия к государству, здесь же отметим применение судами неустановленной законом презумпции и освобождение прокурора от бремени доказывания, что является грубым процессуальным нарушением, которое само по себе должно являться основанием для отмены судебных актов и возвращения дела на новое рассмотрение.

Односторонняя реституция?

В данном деле выявлено большое количество нарушений материального права, которые носят различный характер. Часть из них проявляется только в данном деле, часть носит фундаментальный характер, из-за чего у разных судов сформировалось разное понимание и необходимо дать толкование материального права для обеспечения единообразного применения закона. Часть нарушений материального права основывается на неправильном понимании разъяснений Верховного Суда РФ, что, на наш взгляд, является подтверждением необходимости принятия данного дела к рассмотрению в Судебной коллегии.

Выше мы уже писали, что иск был заявлен о применении односторонней реституции, но в просительной части вместо реституционного требования было заявлено требование о взыскании всего полученного по сделке в доход муниципального образования.

Мы решили акцентировать внимание на этом, поскольку такой иск – не единичный.

В ГК РФ не предусмотрено возможности применения реституции в отношении лиц, не являвшихся стороной по сделке.

При недействительности сделки **каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке**, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выпол-

ненной работе или предоставленной услуге) возместить его стоимость, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом (п. 2 ст. 167 ГК РФ).

Исключение предусмотрено в статье 169 ГК РФ, которая содержит правило, что *«в случаях, предусмотренных законом, суд может взыскать в доход Российской Федерации все полученное по такой сделке сторонами, действовавшими умышленно, или применить иные последствия, установленные законом»*.

В данном деле ссылок на статью 169 ГК РФ не было, равно как и Прокурором не приводилось никакого правового обоснования для применения реституции в виде взыскания в доход муниципального образования.

Только суд кассационной инстанции вместо истца попробовал обосновать такое взыскание: *«Порядок возврата денежных средств, полученных в качестве субсидии, регулируется нормами бюджетного законодательства Российской Федерации, спорные подрядные работы по ремонту автомобильной дороги по оспариваемому контракту выполнялись в публичных интересах муниципального образования за счет бюджетных средств, предоставленных по субсидии»*.

Однако в данном деле не было спора, вытекающего из бюджетных правоотношений. Спор был не о возврате Заказчиком денежных средств муниципальному образованию.

Общество не является участником бюджетных правоотношений. Бюджетное законодательство не предусматривает специальных правил для применения реституции.

Следующее фундаментальное нарушение материального права заключается в обосновании применения конфискационных мер в виде взыскания полученной платы за выполненную работу положениями о неосновательном обогащении. Это нарушение отягощено неправильным толкованием правовых позиций Верховного Суда РФ.

В частности, в судебных актах второй и третьей инстанции сделана ссылка на пункт 20 Обзора судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 28 июня 2017 г. (далее – «Обзор...»): *Выполнение работ или оказание услуг в целях удовлетворения государственных или муниципальных нужд в отсутствие государственного или муниципального контракта не порождает у исполнителя право требовать оплаты соответствующего предоставления. Несоблюдение установленной законом процедуры заключения контракта не устраняет его возмездности, но лишает в связи с изложенной причиной исполнителя права на получение вознаграждения, а подрядчик, являясь профессиональным участником правоотношений, знал и должен был знать, что выполняет работы вопреки предписаниям Закона о контрактной системе*.

Полагаем, что такое толкование разъяснений Верховного Суда РФ является ошибочным. В указанном пункте 20 «Обзора...» был приведен пример, когда осуществлялось судебное представительство интересов муниципального образования в суде без заключения государственного контракта, и общество обратилось с иском о неосновательном обогащении, а не оспаривался госконтракт с применением реституции по заключенному контракту.

Расширительное толкование судами разъяснения Верховного Суда РФ привело к созданию конфискационной меры в виде взыскания полученного по сделке с Подрядчика (Общества), притом что работы были выполнены в полном объеме по рыночным ценам, без замечаний со стороны Заказчика и нарушений со стороны Общества.

Между тем в пункте 20 «Обзора...» сформулировано лишь общее правило применительно к «поставке товаров, выполнению работ или оказанию услуг в целях удовлетворения государственных или муниципальных нужд **в отсутствие государственного или муниципального контракта...**».

В качестве обоснования этого общего правила сформулировано, что *«оказывая услуги без наличия муниципального контракта, заключение которого является обязательным в соответствии с нормами названного закона, общество не могло не знать, что работы выполняются им при отсутствии обязательства. Следовательно, в силу*

пункта 4 статьи 1109 ГК РФ не подлежит взысканию плата за фактически оказанные услуги для государственных и муниципальных нужд в отсутствие заключенного государственного или муниципального контракта. Иной подход допускал бы поставку товаров, выполнение работ и оказание услуг для государственных или муниципальных нужд в обход норм Закона о контрактной системе (статья 10 ГК РФ)».

Соответственно, это лишь общее правило, которое, во-первых, может содержать исключения, и такие исключения нашли отражение в других обзорах Верховного Суда РФ (например в п. 33 «Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2020)», утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 ноября 2020 г.). Во-вторых, к сожалению, из «Обзора...» не видно, кто был инициатором оказания услуг без контракта. Этот момент важен, поскольку если инициатива исходила от общества, то такой подход логичен, так как подтверждается умысел общества на обход закона. В то же время отказ в оплате, если инициатива исходила от заказчика и у исполнителя не было умысла на обход закона, а было доверие к заказчику, противоречит положениям пункта 5 статьи 166 ГК РФ (см.: [Султанов 2022, с. 133]), пункта 3 статьи 432 ГК РФ.

Полагаем, что применение пункта 4 статьи 167 ГК РФ в толковании, придаваемом Прокурором, противоречит замыслу законодателя, поскольку Прокурор под видом реституции пытается изъять все полученное по сделке в доход государства.

Так, в пункте 5.2.2 раздела II Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренной решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г., закреплено, что **«такое последствие, как изъятие в доход государства всего полученного по сделке, должно применяться как альтернативное последствие недействительности сделки лишь в ограниченном числе случаев, прежде всего когда то или иное общественно неприемлемое имущественное деяние не получает адекватной санкции в уголовном или административном праве»**.

В статье 167 ГК РФ определено, что недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, и недействительна с момента ее совершения (п. 1). Повторим, что при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) возместить его стоимость, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом (п. 2). Суд вправе не применять последствия недействительности сделки, если их применение будет противоречить основам правопорядка или нравственности (п. 4).

Таким образом, по общему правилу реституция является двусторонней, т. е. каждая из сторон возвращает все полученное по сделке. Односторонняя реституция применяется, если сделка исполнена только одной стороной либо если в силу специфики сделки предоставление по ней является односторонним (заем, ссуда, дарение).

Для применения пункта 4 статьи 167 ГК РФ нужно прежде всего доказать, что **реституция будет представлять собой передачу имущества, не разрешенного к обороту, передача которого будет затрагивать основы правопорядка и нравственности, оборот которого подрывает основы правопорядка и нравственности (яды, радиоактивные материалы, поддельные документы, порнография и т. п.)** (см.: [Скловский 2019]).

Полагаем, можно утверждать, что исполнение Обществом Контракта не противоречило основам правопорядка и нравственности, иначе работы не были бы приняты и оплачены. Можно сказать, что в данном деле применение реституции «не противоречит основам правопорядка или нравственности, а является абсурдным и нереализуемым» [Хандкаров 2023].

Толкование терминов «основы правопорядка и нравственности» дано в пункте 85 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июля 2015 г. № 25: «В качестве

сделок, совершенных с указанной целью, могут быть квалифицированы сделки, которые нарушают основополагающие начала российского правового порядка, принципы общественной, политической и экономической организации общества, его нравственные устои. К названным сделкам могут быть отнесены, в частности, сделки, направленные на производство и отчуждение объектов, ограниченных в гражданском обороте (соответствующие виды оружия, боеприпасов, наркотических средств, другой продукции, обладающей свойствами, опасными для жизни и здоровья граждан, и т. п.); сделки, направленные на изготовление, распространение литературы и иной продукции, пропагандирующей войну, национальную, расовую или религиозную вражду; сделки, направленные на изготовление или сбыт поддельных документов и ценных бумаг; сделки, нарушающие основы отношений между родителями и детьми. **Нарушение стороной сделки закона или иного правового акта, в частности уклонение от уплаты налога, само по себе не означает, что сделка совершена с целью, заведомо противной основам правового порядка или нравственности».**

Таким образом, Пленум Верховного Суда РФ однозначно не относит нарушение какого-либо закона к «противным основам правового порядка или нравственности».

Впрочем, в данном деле Прокурором не представлено никаких доказательств и вообще не приведено доводов о необходимости признавать сделки недействительными, а также о том, что такое признание будет соответствовать публичным интересам или интересам Заказчика.

Отметим, что в пункте 80 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснено, что по смыслу пункта 2 статьи 167 ГК РФ взаимные предоставления по недействительной сделке, которая была исполнена обеими сторонами, считаются равными, пока не доказано иное.

В данном деле было установлено и не оспаривалось сторонами, что Общество осуществило в полном объеме ремонтные работы, соответствующие качеству и по рыночным ценам. Доказательства того, что Общество фактически осуществило работу на меньшую сумму, в меньшем объеме или ненадлежащего качества, в материалах дела не представлены.

При наличии соразмерного встречного представления сторон вывод о необходимости применения пункта 4 статьи 167 ГК РФ ошибочен, поскольку очевидно, что необходимости в применении реституции нет.

Соответственно, ссылка на правовую позицию Верховного Суда РФ как на обоснование того, что признание сделок недействительными влечет автоматическую реституцию, да еще одностороннюю, является расширительным толкованием разъяснения Верховного Суда РФ.

Более того, существует различная судебная практика, в том числе в которой содержатся выводы, что **«в удовлетворении требования о применении последствий недействительности сделок следует отказать, когда стороны исполнили контракты в полном объеме с соразмерным встречным предоставлением (факт причинения ущерба заказчику не установлен)»⁵**. Причем ряд таких судебных актов прошли проверку в Верховном Суде РФ⁶.

⁵ См., например: Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 21.01.2025 № Ф01-6552/2024 по делу № А79-10327/2023; Постановление от 09.06.2025 № Ф01-1493/2025 по делу № А79-5517/2024; Постановление от 21.05.2025 № Ф01-1128/2025 по делу № А79-5516/2024; Постановление от 03.06.2025 № Ф01-1493/2025 по делу № А79-5405/2024; Постановление от 16.01.2025 № Ф01-6611/2024 по делу № А79-10323/2023; Постановление от 02.06.2025 № Ф01-1492/2025 по делу № А79-5301/2024; Постановление от 25.04.2025 № Ф01-785/2025 по делу № А11-3117/2024; Постановление от 29.05.2025 № Ф01-1160/2025 по делу № А11-3146/2024; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 24.07.2025 № Ф01-2355/2025 по делу № А11-7060/2024; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 27.06.2025 № Ф01-1313/2025 по делу № А79-10326/2023; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 26.06.2025 № Ф01-1798/2025 по делу № А82-10630/2024.

⁶ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 30.01.2025 № Ф01-6942/2024 по

Однако существует также и практика, разделяющая подходы к возможности применения «односторонней реституции».

Реституция или все же санкция?

Суды фактически применили пункт 4 статьи 167 ГК РФ в качестве публично-правовой санкции, а не компенсационной меры, направленной на восстановление нарушенных прав. При этом данная мера применяется без учета вины, конституционных принципов соразмерности и справедливости.

Фактически Обществу вменяется в качестве нарушения то, что оно поверило Заказчику и протоколу заседания Комиссии по повышению устойчивости развития экономики в Республике Хакасия в условиях санкций от 18 мая 2023 г. № 44-пр.

Никаких других доводов и доказательств о каких-либо нарушениях Общества при заключении госконтрактов в материалах дела не представлено, кроме того, что Общество поверило Заказчику и полностью осуществило необходимые для муниципального образования работы.

То есть фактически суды применили публично-правовую санкцию в виде конфискации в пользу муниципального образования за то, что Общество поверило Заказчику...

Все обоснование иска сводится к тому, что Заказчик не имел права заключать договор без торгов и что его обоснование для заключения госконтракта без проведения торгов было ошибочным.

Мы полагаем, что конфискация 20 млн руб. – суммы, полученной за выполненные работы, невозможна без учета принципа вины, как в материальном, так и в процессуальном ее аспектах, в силу прямого действия Конституции РФ.

Невозможно привлечение к публично-правовой ответственности без включения вины в предмет доказывания, без преодоления презумпции невиновности, без доказывания виновности лица. Следует подчеркнуть значение презумпции невиновности для всех субъектов права: презумпция невиновности есть одновременно закон, принцип и гарантия реализации закона, в связи с чем она подлежит точному и неукоснительному соблюдению всеми участниками правоотношений... **Презумпция невиновности – это облеченный в форму презумпции (предположения) принцип, гласящий, что никто не может быть признан виновным в совершении противоправного деяния, пока в ограничиваемый законом срок⁷ это не доказано в соответствии с требованиями закона, и виновность лица за его совершение может быть установлена только надлежащим процессуальным актом суда, вступившим в законную силу** (см.: [Абдрашитов 2017]).

В соответствии с неоднократно выраженной правовой позицией Конституционного Суда РФ в качестве необходимого элемента общего понятия состава правонарушения выступает вина, наличие которой является во всех отраслях права предпосылкой возложения юридической ответственности, если иное прямо и недвусмысленно не установлено непосредственно самим законодателем.

делу № А79-9746/2023 оставлено без изменения Определением Верховного Суда РФ от 22.05.2025 № 301-ЭС25-3529; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 20.08.2024 № Ф01-3268/2024 по делу № А79-4843/2023 оставлено без изменения Определением Верховного Суда РФ от 25.11.2024 № 301-ЭС24-21390.

Аналогичная судебная практика сформирована и в других округах, в том числе, со ссылкой на Определение Верховного Суда РФ от 25.11.2024 № 301-ЭС24-21390.

См.: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18.04.2025 № Ф06-696/2025 по делу № А12-8051/2024; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14.08.2024 № Ф07-8080/2024 по делу № А42-6345/2023; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 15.05.2025 № Ф04-1118/2025; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26.06.2025 № Ф04-1612/2025 по делу № А81-3190/2024 и др.

⁷ ...Презумпция невиновности должна требовать ограничения законом периода обвинения (см.: [Сенякин 2010, с. 489]).

«Вина – непереманный компонент любого правонарушения, и там, где нет вины, нет и правонарушения, не должно быть и ответственности» [Явич 1982, с. 134–135]. Вина является обязательным признаком правонарушения, а также выступает элементом субъективной стороны его состава. Указанные выводы справедливы для правонарушения и вины как в рамках общей теории права, так и правовых отраслей.

Общим признаком всего класса противоправных актов и противоправного поведения «будет признак противоречия их с поведением и актами, осознаваемыми как “дозволенно-должные”» [Сорокин 2006, с. 158], в отсутствие такого осознания, т. е. вины, правонарушения не будет.

«Без вины никакой ответственности за деяние, т. е. никакой обязанности к возмещению вреда. Не вред обязывает к возмещению вреда, но вина. Простое положение, такое же как для химика – что горит не свет, а кислород в воздухе» [Иеринг 2023, с. 240].

Принцип поддержания доверия

Очевидно, нельзя вменить в вину Обществу действия на основании доверия к Заказчику, ссылавшемуся на протокол заседания Комиссии по повышению устойчивости развития экономики в Республике Хакасия в условиях санкций от 18 мая 2023 г. № 44-пр.

Привлечение к ответственности в виде взыскания всего полученного за выполненные работы по контракту с муниципальным учреждением противоречит **конституционным принципам поддержания доверия к закону и действиям государства (преамбула; статья 75.1 Конституции РФ), а также принципу правомерных ожиданий и правовой определенности.**

Указанные принципы не являются новыми для российского права. В работе Д. И. Мейера «О праве казны», написанной еще в 1847 году, было отмечено:

«...присутственные места и должностные лица, заключившие с частными лицами договоры, не должны оных нарушать каким бы то образом ни было, но содержать в такой силе и твердости, как бы сии контракты были за собственноручным подписанием Императорского Величества. Если же правительственное место или лицо заключит контракт с ущербом казенным, то **таковой договор для сохранения народного доверия не нарушается**, но за казенный убыток отвечает то место или лицо, которое сие допустило... казна заключает договоры, как и другие лица, и по соображению казенного интереса ни один из её договоров не может остаться без исполнения. Не говоря уже о нравственном достоинстве этого постановления, мы находим его чрезвычайно последовательным и в юридическом отношении: действительно, во вступлении казны в договор заключается для неё обязательство исполнить его, но если самым заключением договора представители казны нарушили какое-либо имущественное право её, то, как мы видели выше, для представителей рождается само по себе обязательство к вознаграждению казны, не зависящему от самого договора (любопытно, что три императрицы, одна за другой, указали на подчинённость казенного интереса ненарушимости договора: императрица Анна Иоанновна в узаконении 1731 [года], 23июня 23, императрица Елизавета Петровна в узаконении 1744 [года], 25сентября, 25, императрица Екатерина II в узаконении 1776 [года], 8 декабря 8)» [Мейер 2021, с. 90–91].

В том же XIX веке Сенат в своем постановлении отмечал: «Договор казенного подряда, хотя он был заключен без производства публичных торгов... имеет полную силу. Договоры, заключенные с ущербом казенным, должны быть сохраняемы в полной силе и твердости без всякого соотношения в том, соблюдены или нет при заключении их предписанные для сего законом правила, ввиду как того, что частное лицо не может ответственствовать за ошибки или упущения правительственных лиц, так и, главное еще, **для сохранения народного доверия к действиям этих последних**»⁸.

⁸ Сборник решений общ. собр. первых 3 департ. и деп. герольд. Прав. Сената 1864–1875 г., № 1074 (цит. по: [Красик, Элькин 1915, с. 108]).

Презумпция легитимности черпает свое начало в принципах правового благополучия, поддерживающего безупречное и стабильное функционирование администрации и гарантирующего обоснованное доверие граждан к законности этих функций, которые являются неотъемлемыми в демократическом государстве (см.: [Кареклас 2016, с. 210]). Соответственно, указанный протокол заседания Комиссии № 44-пр – административный акт, который никем не был оспорен. Общество не могло исходить из его незаконности. Административные акты пользуются презумпцией законности, презумпцией их правильности и обоснованности (см.: [Ноздрачев 2011, с. 153]).

Материальная сила административного акта есть конкретизация принципа охраны доверия (см.: [Арапов 2015, с. 349]). В силу принципов правовой определенности и защиты доверия к действиям государства данный протокол должен считаться законным до момента его отмены или признания недействительным (незаконным).

Данный административный акт обладает законной силой и будет связывать и сам государственный орган, принявший его, и Заказчика, ссылавшегося на него, в силу принципов правовой определенности и защиты доверия к действиям государства.

Административный акт утрачивает юридическую силу, когда он признан судом не соответствующим законом; отменен органом, его издавшим, или вышестоящим органом, уполномоченным на принятие такого решения (см.: [Ноздрачев 2011, с. 155]).

Следствием законной силы административного акта выступает тот факт, что право не является просто обоснованием какого-либо произвольного процесса, который в любой момент может быть вновь изменен. Государственный акт, который можно было бы менять как заблагорассудится, был бы бессмысленным и бесполезным. Законная сила административного акта ведет к тому, что применение права – также после возможного обжалования в вышестоящую инстанцию – во всяком случае, начиная с определенного момента времени, становится обязательным и больше не может быть изменено. Без такой постоянной или устойчивой обязательности применения права, являющегося результатом законной силы, функция права, а именно создание «правовой стабильности» и «правового мира», была бы немыслимой. В этом проявляется сходство государственного управления и осуществления правосудия (см.: [Силайчев 2009, с. 372–377]).

Еще в законодательстве XIX века содержался запрет произвольного пересмотра решений административных органов самими административными органами: «...присутственным местам, за исключением случаев, точно указанных в законе, воспрещается перевершивать собственные решения, а также отменять решения других мест, им равных или неподчиненных»⁹.

Это означает также, что при определенных условиях противоправные административные акты, изданные, например, несмотря на процедурную ошибку и тем не менее вступившие в законную силу, подлежат соблюдению и исполнению.

Вместе с тем для создания баланса между «правовой правильностью» государственных действий, с одной стороны, и гарантированием «стабильности права» и «защитой доверия», с другой стороны, через законную регламентацию законной силы административного акта законодателем устанавливаются условия допустимости нарушения законной силы административного акта (см.: [Раймерс 2018]).

Принцип защиты доверия не является необычным для российского права, он часто упоминается в публичном охранительном праве (см.: [Давыдов 2020]), и его неприменение в данном деле является недопустимой ошибкой.

Нужно учитывать, что частный интерес, порожденный правомерными ожиданиями, получает особую защиту правового доверия. Поддержание доверия может иметь большую ценность, нежели признание ничтожными сделок, заключенных на основании административного акта, который прокуратура полагает ошибочным, поскольку само доверие к действиям государства является основой существования государства.

⁹ Ст. 174 Общего Учреждения губерний. 11 т. Свода законов. Изд. 1892 (цит. по: [Евтихийев 1911, с. 3]).

Как отмечал И. А. Ильин, «...государство вообще не может существовать, если оно превращается в систему взаимного недоверия и подозрения» [Ильин 2003, с. 370–371].

Законная сила благоприятствующего административного акта вне судебного обжалования может быть преодолена только его отменой. Протокол № 44-пр не был обжалован в судебном порядке и не был отменен. Он даже не был опротестован Прокурором.

Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что конституционный принцип поддержания доверия граждан (их объединений) к закону и действиям государства предполагает учет сформировавшихся законных ожиданий (Постановление КС РФ от 20 апреля 2010 г. № 9-П; Постановление КС РФ от 25 июня 2015 г. № 17-П).

В соответствии со статьей 75.1 Конституции Российской Федерации обязанность по созданию условий для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан – как основы взаимного доверия государства и общества – возложена на органы публичной власти. Это подразумевает в числе прочего наличие инструментов, обеспечивающих надлежащий уровень стабильности, предсказуемости и надежности гражданского оборота, а равно эффективную судебную защиту прав и законных интересов его участников, без чего невозможно поддерживать конкурентную экономическую среду, необходимую для функционирования свободного рынка (Постановление КС РФ от 17 февраля 2022 г. № 7-П).

Такие конституционно-правовые ценности-принципы, как правовая определенность, равенство перед законом, принцип законного ожидания и др., не могут принадлежать исключительно к одному уровню конституционного контроля, ибо они являются общеправовыми ценностями, имманентными всякому достаточно развитому правопорядку. Таково требование гомогенности правовой системы¹⁰.

Принцип поддержания доверия к закону и действиям государства, вытекающий из требований юридического равенства и справедливости в правовом демократическом государстве, предполагает, что уполномоченные государством органы должны принимать решения на основе строгого исполнения законодательных предписаний, а также внимательной и ответственной оценки фактических обстоятельств, с которыми закон связывает возникновение, изменение и прекращение прав (постановления КС РФ от 14 января 2016 г. № 1-П; от 2 июля 2020 г. № 32-П; от 12 марта 2021 г. № 6-П; от 17 ноября 2022 г. № 50-П).

Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства также подразумевает сохранение разумной стабильности правового регулирования и недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм; с этим связаны законные ожидания граждан, что приобретенное ими на основе действующего законодательства право будет уважаться властями и будет реализовано (Определение КС РФ от 1 декабря 2005 г. № 461-О).

Полагаем, что признание ничтожным Контракта, заключенного во исполнение протокола № 44-пр от 18 мая 2023 г., после его исполнения в полном объеме и без замечаний «несовместимо с конституционным принципом поддержания доверия к закону и действиям государства (публичной власти), который предполагает необходимость безотлагательного реагирования компетентных органов (должностных лиц)...»¹¹.

Если бы этот протокол был оспорен, то в любом случае действия Общества,ulloжившегося на него, были бы оправданы тем, что оно действовало, доверившись административному акту. Имела бы место оправданность доверия: доверие кредитора здесь основывается на ошибке в факте, которая имеет извинительный характер и исключает применение к нему санкций.

Суды сочли, что само по себе исполнение Контракта не влияет на ничтожность договора или его действительность. Однако такой вывод противоречит положениям

¹⁰ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 02.12.2013 № 26-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 4 Закона Челябинской области “О транспортном налоге” в связи с запросом Законодательного Собрания Челябинской области».

¹¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.07.2021 № 39-П.

пункта 5 статьи 166 ГК РФ, пункта 3 статьи 432 ГК РФ, **обязывающим учитывать поведение сторон после заключения сделки, в частности, принятие исполнения, которое давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки.**

В данном деле Прокурор, действуя в интересах муниципального образования (поскольку просит взыскать денежные средства в доход муниципального образования), полностью игнорирует тот факт, что муниципальное образование не только было инициатором оспариваемого Контракта, но и допустило Общество к выполнению работ, а затем полностью приняло все работы без замечаний.

Надо отметить, что муниципальное образование осознавало недопустимость злоупотребления правом в виде противоречивого поведения и в суде не поддержало требования Прокурора, но суды сочли возможным наказать слабую сторону в договоре за действия сильной стороны.

Исходя из конституционного принципа единства системы публичной власти, на Прокурора также распространяется запрет противоречивого поведения, и он не может в частных отношениях игнорировать действия других государственных органов. Безусловно, он вправе ставить вопрос об ответственности за нарушения законов государственными и муниципальными служащими, но не в ущерб принципу поддержания доверия к государству.

Требование Прокурора в данной ситуации – не просто **поддержание «правового пуризма» в виде признания контракта недействительным и применения последствий его недействительности вопреки интересам Заказчика и заинтересованных государственных органов, а скорее акт произвола, поддержанный судами.**

Никто не может извлекать выгоду из своего незаконного поведения – в данном случае муниципальное учреждение извлечет выгоду из нарушения, осуществленного его Учреждением – Заказчиком, а не Обществом: работы осуществлены, а деньги вернутся...

Суды придерживались формального подхода и не допускали конвализации заключенного Контракта (см.: [Чваненко 2021]), притом что инициатором госконтракта был Заказчик, нарушение, если таковое и было, то с его стороны, а работа была осуществлена по рыночным ценам в полном объеме и без ущерба для Заказчика.

Суды – все же не бездумная машина, а орган, защищающий справедливость. **Отправление правосудия – это всегда отыскивание справедливости для данного дела.**

Законодатель не всегда в состоянии предусмотреть все возможные ситуации, и иногда формальное применение нормы, направленной на справедливое правовое разрешение ситуации, становится причиной несправедливости. На наш взгляд, при наличии такой коллизии у судов должны быть достаточные дискреционные полномочия, которые в действительности гарантируются положениями Конституции РФ.

Очевидно, что суды в своей деятельности должны учитывать, что реализация неотъемлемого права на судебную защиту – права, которое обеспечивает защиту всех остальных прав и свобод человека, наделяет суды необходимой дискрецией при разрешении споров, в том числе при конвализации сделок (см.: [Чваненко 2020]), а не делает их заложниками формализма.

Конституционный Суд РФ неоднократно напоминал, что правосудие по самой природе может признаваться таковым лишь при условии соответствия требованиям справедливости; что отправление правосудия – это предоставление справедливого правосудия, учитывающего весь спектр жизненных обстоятельств, с тем чтобы обеспечить соблюдение принципов соразмерности и пропорциональности при применении мер административного принуждения.

Из правовых позиций Конституционного Суда РФ о праве на судебную защиту и о роли правосудия следует, что гарантированное каждому в соответствии с Конституцией Российской Федерации право на судебную защиту его прав и свобод не подлежит ограничению и предполагает наличие гарантий, позволяющих реализовать это право в

полном объеме и обеспечить восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям равенства и справедливости.

Будучи универсальным правовым средством государственной защиты прав и свобод человека и гражданина, это право выполняет обеспечительно-восстановительную функцию в отношении всех других прав и свобод, что предопределено особой ролью судебной власти и ее вытекающими из Конституции Российской Федерации прерогативами по отправлению правосудия, в том числе при осуществлении судебного контроля за правомерностью решений и действий (бездействия) публичной власти. Поскольку – по смыслу статей 21 (часть 1) и 45 Конституции – в любых правоотношениях личность выступает не как объект государственной деятельности, а как полноправный субъект, который может защищать свои права и свободы всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице любых его органов, постольку гарантии судебной защиты должны быть достаточными для того, чтобы обеспечить конституционным правам и свободам эффективное и реальное действие, а суды при рассмотрении дел обязаны исследовать фактические обстоятельства по существу, не ограничиваясь установлением формальных условий применения нормы, с тем чтобы право на судебную защиту не оказалось ущемленным (постановления КС РФ от 3 мая 1995 г. № 4-П; от 6 июня 1995 г. № 7-П; от 2 июля 1998 г. № 20-П; от 20 апреля 2006 г. № 4-П; от 22 апреля 2011 г. № 5-П и др.). Ограничение суда исполнением одних лишь формальных требований закона и отказ от оценки фактической обоснованности обжалуемых действий (бездействия) и решений искажают суть правосудия (Постановление КС РФ от 30 июня 2021 г. № 31-П).

Излишний формализм, равно как и несоблюдение установленных законом требований, как крайние проявления противоположных подходов, одинаково подрывают доверие к закону и государству (см.: [Султанов 2012]).

На примере дела, рассмотренного в данной статье, очевидна несправедливость изъятия платы за выполненные работы у добросовестного подрядчика, которого фактически наказали за доверие к государственным органам.

Наказание среди своих функций содержит предупреждение нового правонарушения. В данном же случае это наказание направлено против доверия к государственным органам.

По нашему мнению, подобная практика подрывает доверие ко всем государственным органам, включая и авторитет судов и прокуратуры, которые своей деятельностью должны обеспечивать в обществе спокойствие и уверенность в том, что право будет защищать и будет справедливым.

Список источников

- Абдрашитов В. М. Теоретические основы презумпции невиновности: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Абдрашитов Вагип Мнирович ; [Место защиты: Казан. (Приволж.) федер. ун-т]. Казань, 2017. 504 с. EDN ZAUSQA.
- Арапов Н. А. Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства в российском конституционном праве и правосудии : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Арапов Никита Александрович ; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. СПб., 2015. 277 с.
- Давыдов К. В. Административные процедуры: концепция правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Давыдов Константин Владимирович ; [Место защиты: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского]. Нижний Новгород, 2020. 655 с. EDN ZTUXBG.
- Евтихийев А. Ф. Законная сила актов администрации. Люблин : Губернская тип., 1911. 288 с.
- Иеринг Р. Составляющая вины в римском частном праве // Правоведение. 2023. Т. 67, № 2. С. 216–257. DOI 10.21638/spbu25.2023.205.
- Ильин И. А. Теория права и государства / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М. : Зерцало, 2003. 398 с.

- Кареклас С. «Помехи в механизме функций» администрации: дефектный/противозаконный административный акт, его контроль // Ежегодник публичного права 2016. Административный акт. М., 2016. С. 206–221.
- Красик Э. В., Элькин Б. И. Положение о казенных подрядах и поставках поставках (т. X ч. 1 Св. зак. изд. 1900 г. по прод. 1912 и 1913 гг.) с разъяснениями, приложениями и предметным указателем. Петроград : Издание Юридического книжного склада «Право», 1915. viii, 458 с.
- Мейер Д. И. О праве казны и другие ранее не издававшиеся труды и материалы / отв. ред. Д. Х. Валеев. М. : Статут, 2021. 237 с.
- Ноздрачев А. Ф. Административные акты: понятие, признаки, динамика // Административные процедуры и контроль в свете европейского опыта / под ред. Т. Я. Хабриевой и Ж. Марку. М. : Статут, 2011. С. 134–164.
- Раймерс В. Инквизиционный принцип в административной процедуре // Ежегодник публичного права 2018: Принципы административных процедур и административного судопроизводства. М. : Инфотропик Медиа, 2018. С. 28–36.
- Сенякин И. Н. Еще раз о содержании презумпции невиновности в российском законодательстве // Юридическая техника : ежегодник. № 4 : Первые Бабаевские чтения: «Правовые презумпции, теория, практика, техника». Нижний Новгород, 2010. С. 486–489.
- Силайчев М. В. Закон Австрии «Об общих положениях административных производств» // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 2 (11). С. 372–377. EDN LLWNTD.
- Скловский К. И. Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ. Принцип добросовестности. 4-е изд., доп. М. : Статут, 2019. 278 с.
- Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / вступ. ст., сост. и примеч. В. В. Сапова. М. : Астрель, 2006. 618 с.
- Султанов А. Прокурорские иски. Кто материальный истец // Конкуренция и право. 2025. № 3. С. 24–32.
- Султанов А. Р. Борьба с пробелами в Налоговом кодексе Российской Федерации и фиксированными идеями в налоговых спорах : монография. М. : Статут, 2022. 472 с. (Записки судебного юриста).
- Султанов А. Р. Кассационное производство в Верховном Суде РФ для формирования единообразной практики // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 7. С. 21–29. DOI 10.37239/2500-2643-2021-16-7-21-29. EDN UTWQYR.
- Султанов А. Р. Обжалование судебных актов, вынесенных по делам об оспаривании нормативных актов, лицами, не участвовавшими в рассмотрении дела в суде первой инстанции // Закон. 2010. № 4. С. 143–155. EDN NTNZUT.
- Султанов А. Р. Приключения вокруг статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации по искам прокуратуры продолжаются, или игнорирование правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2025. № 6 (77). С. 101–111. DOI 10.52068/2304-9839_2025_77_6_101.
- Султанов А. Р. Формализм гражданского процесса и стандарты справедливого правосудия // Вестник гражданского процесса. 2012. № 3. С. 73–93. EDN PANEAR.
- Султанов А. Р. Является ли немотивированное правосудие правосудием? // Российский судья. 2017. № 12. С. 29–33. EDN YLZHOR.
- Тасалов Ф. А. Реституция в контрактных отношениях: законодательство, доктрина, судебная практика // Вестник арбитражной практики. 2026. № 1 (122). С. 63–71. EDN ISJZOK.
- Хандкаров Ю. С. Отказ в применении реституции по недействительным сделкам: п. 4 ст. 167 ГК РФ и его зарубежные аналоги // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 11. С. 159–189. DOI 10.37239/2500-2643-2023-18-11-159-189.
- Чваненко Д. А. Государственный контракт как особая модель гражданско-правового договора : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Чваненко Дмитрий Анатольевич ; [Место защиты: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ]. М., 2021. 253 с. EDN SLVLPL.

Чваненко Д. А. Конвалидация ничтожного государственного контракта // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2020. № 3 (19). С. 52–56. EDN BQCYFT.
Явич Л. С. Право и социализм. М. : Юридическая литература, 1982. 175 с.

Информация об авторе

Айдар Рустэмович Султанов, канд. юрид. наук, Заслуженный юрист Республики Татарстан, руководитель Представительства «Пепеляев групп» в Республике Татарстан (Нижнекамск, Россия).

Information about the author

Aydar R. Sultanov, Cand. Sci. (Law), Honoured Lawyer of the Republic of Tatarstan, Head of the Pepelyaev Group Representative Office in the Republic of Tatarstan (Nizhnekamsk, Russia).

Статья поступила в редакцию | Submitted 12.07.2026.

Одобрена после рецензирования | Revised 20.07.2026.

Принята к публикации | Accepted 20.07.2026.